Пустошинская Ольга Сергеевна

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/1-2/28.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 81-83. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Важно установить не только наличие вины, необходимо правильно проанализировать всю субъективную сторону преступления, что в конечном счете повлияет на ряд обстоятельств, в том числе и на назначение наказания.

Список литературы

1. **Векленко С.** Законодательное определение умышленной вины нуждается в совершенствовании // Уголовное право. 2003. № 1.
2. **Есаков Г. А., Рагулина А. В., Юрченко И. А.** Осознание как компонент интеллектуального элемента умысла: дискуссионные вопросы // Государство и право. 2004. № 6.
3. **Кравчук В. Л.** Понятие «вина» в уголовном праве // Закон и право. 2005. № 5.
4. **Нерсесян В. А.** Неосторожная вина: проблемы и решения // Государство и право. 2000. № 4.
5. **Скляров С.** Некоторые проблемы законодательной регламентации неосторожной формы вины // Уголовное право. 2004. № 2.
6. **Якушин В., Дубовиченко С.** Соотношение цели преступления с интеллектуальными моментами умысла // Уголовное право. 2006. № 6.

УДК 341.48

Ольга Сергеевна Пустошинская
Тюменский государственный университет

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА©

Проблема классификации соучастников преступления и индивидуализации их ответственности не новая в отечественном научном дискурсе. Анализ уголовного законодательства разных лет позволяет утверждать, что на протяжении развития российского государства и права осуществлялось изменение и совершенствование института соучастия, основных его доктрин, в том числе в части, касающейся разграничения соучастников преступления на виды.

Положения, учитывающие совместность действий лиц, совершающих преступление, содержались в древнейшем источнике отечественного права Русской Правде. Предполагалось, что преступная деятельность отдельно взятого виновника может быть не равна делинквентности всех участников противоправного деяния. Между тем, ответственность за его совершение менялась каждому в полном объеме и равной мере, независимо от характера и степени участия в преступлении. Так, статьи 41 и 42 Русской Правды Пространной редакции устанавливали: «Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то (о) же будеть один, то платит (и) ему 3 гривны и 30 кун; будеть ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платит. Аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун; будеть ли их много, то всем по 60 кун» [5, с. 15]. Что касается дифференциации соучастников по видам, то в памятнике русского права речь об этом не идет.

Подробнее определено соучастие в Уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. В нем различались помимо непосредственного исполнительства подстрекательство (статья 19: «А…кто на смертное убийство научал, и кто убил, обеих казните смертию же») [2, с. 387], пособничество (статья 16: «А кто умысля воровски придет в чей дом, а люди…учнут помочь чинити ворам…, всех казнити смертию») [Там же], укрывательство (статья 20: «А будет кто разбойников… укрывать, на нем за то взять пени десять рублев, чтобы…иным неповадно было…») [Там же]. Однако данный закон также устанавливал одинаковое наказание для всех участников преступления, не требуя определения степени участия и вины каждого из них.

Разделение соучастников на виды, хотя и без их обозначения, можно наблюдать в нормативных актах Петра I. К примеру, Артикул воинский кроме непосредственного исполнительства предусматривал следующие формы соучастия: подстрекательство к совершению преступления (артикул 2: «Кто чародея подкупит, или к тому склонит, чтоб он вред учинил, оныи ровно как чародей наказан будет») [3, с. 753], пособничество (артикул 19: «Кто подданный войско вооружит или оружие предпримет против его величества…, имеют тот и оныя, которыя помогали, четвертованы быть и их пожитки забраны») [Там же, с. 755], укрывательство вора и вещи (артикул 190: «Если кто купит или продаст, ведаюча краденыя вещи и скроет, и содержит при себе вора, оной яко вор наказан быть имеет») [Там же, с. 788]. Тем не менее, законодатель вновь остался на позиции признания равной ответственности и назначения одинакового наказания всем участникам преступления.

Важным шагом в развитии института соучастия стало уголовное законодательство Екатерины II.

© Пустошинская О. С., 2010

Именной указ 1765 г. «Об отмене вытей, налагаемых по татиным и разбойным делам на селения, и о штрафовании тех только крестьян, которые о ворах и разбойниках знали» предусматривал четкое разграничение между исполнителем и другими соучастниками, императивируя необходимость повышенного наказания для исполнителей преступления [4, с. 842-843].

Существенные изменения и дополнения в институт соучастия внес Свод законов Российской империи, введенный в действие в 1833 г. Именно в нем были выделены категории соучастников: сообщники, которые в совокупности привели преступление в действие; зачинщики, действовавшие вместе с другими, но первыми замыслившие преступление и склонившие к нему других; помощники и участники, словом и письмом содействовавшие совершению преступления; укрыватели, которые укрывали преступника или были виновны в его отпуске или послаблении в его поимке. Согласно требованиям Свода, главный виновник или зачинщик и пущие подлежали наказанию более тяжкому, чем лица, последовавшие их примеру. При невыявлении главного виновника все соучастники подлежали наказанию, но в меньшей степени, чем было отпущено законодателем зачинщику [1, с. 121-139].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. виды соучастников были поставлены в зависимость и соотношение с различием форм соучастия. Рассматривались две формы вины: по предварительному соглашению и без него. В соучастии по предварительному согласию выделялись четыре группы соучастников: зачинщики (раздел первый, глава I, отделение 3: «которые умыслив содеянное преступление, согласили на то других, и те, которые управляли действиями при совершении преступления или покушении на оное, или же первые к тому приступили») [Там же, с. 176], сообщники («которые согласились с зачинщиками или с другими виновными совершить совокупными силами или действиями предумышленное преступление») [Там же], подговорщики или подстрекатели («которые не участвуя сами в совершении преступления, употребляли просьбы, убеждения, подкуп и обещание выгод или обольщения и обманы, или принуждение и угрозы, дабы склонить к оному других») [Там же], пособники («которые и не принимали прямого участия в совершении преступления, но помогали или обязались помогать умыслившим оное советами, указаниями и сообщением сведений или доставлением средств для совершения преступления, или устранением представлявшихся к содеянию преступления, или заведомо давали у себя убежище умыслившим оное, или обещали способствовать сокрытию преступников или преступления»), попустители («которые имев власть или возможность предупредить преступление, с намерением или заведомо допустили содеяние иного») [Там же], укрыватели («которые, не имев участия в содеянии преступления, по совершении оного заведомо участвовали в сокрытии или истреблении следов, или в сокрытии преступников, или взяли к себе на сбережение, или же передали или продали другим похищенное или отнятое у кого-либо») [Там же]. В преступлениях без предварительного согласия признавались главными виновными распоряжавшие действиями других, а также приступившие к действиям прежде других или непосредственно совершившие преступление, и участниками те, которые непосредственно помогали главным виновным и те, которые доставляли средства для исполнения преступления или старались устранять возможные препятствия [Там же]. Самой высокой мере наказания подлежали зачинщики и подстрекатели при соучастии по предварительному соглашению.

Нормы Уголовного уложения 1903 г. определяли три вида соучастников: тех, кто непосредственно организовал преступное деяние или участвовал в его выполнении; тех, кто подстрекнул другого к участию в преступлении; тех, кто был пособником, доставлял имущество, устранял препятствия, оказывал помощь учинившему преступление или обещал не препятствовать его действиям и скрыть их. Уложение определяло наказание организатору преступления и участвующему в его выполнении. Ответственность подстрекателя и пособника устанавливалась лишь в случаях, предусмотренных частью 3 статьи 51 и частью 4 статьи 102 закона [Там же, с. 65, 79].

Развитие института соучастия в сторону детальной регламентации, тщательной дифференциации видов соучастников, а также усиления принципа индивидуальной ответственности произошла в советский период. Так, в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года было дано определение соучастию как умышленному совместному участию двух или более лиц в совершении преступления, обозначены виды соучастников, выработано определение каждому из них, установлен критерий – необходимость учета характера и степени участия лиц в совершении преступления (статья 17) [Там же, с. 12].

Общая схема конструкции советского института соучастия была положена в основу современного российского права, которое опирается на объективную теорию соучастия. Считается, что функциональная роль каждого из виновных в совершении преступления, степень его участия в групповом посягательстве, интенсивность и настойчивость, с которой преступник совершает общественно опасное деяние, являются главными факторами для классификации соучастников на виды, установления юридической оценки их действий, индивидуализации ответственности и наказания.

В соответствии с этим дифференциация участников совместно совершенного преступления в настоящее время производится следующим образом: статья 33 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) выделяет исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника с раскрытием их дефиниций (УК РФ, 2009, с. 32). Ответственность за соучастие определяется как общими положениями (статья 60 УК РФ), так и особыми требованиями (статья 34 УК РФ). В части 3 статьи 34 УК РФ впервые даются специальные указания для квалификации действий организатора и подстрекателя преступления (часть 3 статьи 34 УК РФ; пункт «г» часть 1 статьи 63 УК РФ).

Уголовный кодекс решает вопрос о возможности соучастия со специальным субъектом, предусмотрев в пункте 4 статьи 34 УК РФ положение, согласно которому, лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанном в соответствующей статье Особенной части УК РФ, участвующее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное деяние в качестве организатора, подстрекателя либо пособника (УК РФ, с. 33). Кроме того, в части 5 статьи 34 УК РФ устанавливается ответственность соучастников в случае недоведения исполнителем преступления до конца по независящим от него причинам [Там же]. Принцип индивидуальной ответственности соучастников находит отражение в части 5 статьи 34 УК РФ (за неудавшееся подстрекательство), частях 4 и 5 статьи 31 УК РФ (при добровольном отказе от совершения преступления) и статье 36 УК РФ (при эксцессе исполнителя).

Таким образом, эволюция института соучастия, формирование его фундаментальных положений, в том числе по проблеме классификации соучастников, отражает развитие отечественной правовой системы, элементы которой выросли из предшествующих и трансформировались в последующие, более сложные, структурированные формы. Действующее российское уголовное законодательство сформировало, казалось бы, оптимальную правовую конструкцию видов соучастников. Однако, как показывает практика, сложность рассматриваемого института в целом, совершенствование средств и методов преступной деятельности порождают разногласия в уголовной теории и ошибки в правоприменении по целому ряду вопросов в части, касающейся классификации форм и определения видов соучастников. Поэтому проблема имеет перспективу дальнейшей разработки и разрешения.

Список литературы

1. **Валькова А. В., Голосная Р. В., Примаков В. И., Струнникова Н. В., Чистяков О. И.** Законодательство I половины XIX века. М.: Юридическая литература, 2001. Т. 6 / под ред. О. И. Чистякова.
2. **Загоскин И. П., Латкин В. Н., Примаков В. И., Чистяков О. И.** Законодательство 17-18 веков. М.: Юридическая литература, 2001. Т. 5 / под ред. О. И. Чистякова.
3. **Колобов Б. В., Кутьина Г. А., Новицкая Т.Е., Преображенский А. А., Сизиков М. И., Титов Н. Ю., Четвертков А. М., Чистяков О. И.** Законодательство Петра I / под ред. А. А. Преображенского. М.: Юридическая литература, 1999.
4. **Кутьина Г. А., Новицкая Т.Е., Ноятов С. Л., Четвертков А. М., Чистяков О. И.** Законодательство Екатерины II / под ред. Т.Е. Новицкой. М.: Юридическая литература, 2001.
5. **Новицкая Т.Е., Портнов В. П., Семидеркин Н. А., Титов Ю. П., Чистяков О. И.** Дооктябрьский период // Хрестоматия по истории государства и права / под ред. Ю. П. Титова. М.: Юридическая литература, 1990.

УДК 328.32

Ольга Сергеевна Пустошинская
Тюменский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ КАК КОНЦЕПТ: ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ©

Исторический опыт общественного развития позволил представителям современной науки выдвинуть и обосновать положение, согласно которому проблема существования внесистемного, антагонистического по отношению к официальной политике выражения присуща не одной или нескольким фазам человеческой жизнедеятельности или формам организации – она актуальна для любого социального порядка [6, с. 9; 7, с. 159; 12, с. 83]. В основе перманентно существующего конфликта лежит как разделение труда, дифференцированность ролей, иерархия статусов и вытекающее из этого неравенство доступа к различным ресурсам и благам, так и институционализация норм, легитимирующих образовавшуюся асимметрию. Возникающий при этом протест может быть направлен либо на оспаривание отдельных уровней и принципов распределительной справедливости при общем сохранении согласия с основами, ценностями и символами данной системы, либо на их полное отрицание и выработку нового идеала общественно-политического устройства [3, с. 25; 12, с. 84-85].

Нельзя не согласиться с американским социологом Т. Парсонсом, раскрывающим зависимость его характера, величины и динамики протекания «…от простого проявления… неповиновения до революции» [7, с. 36] от развития конституционно-демократического и социального комплекса, включающего в себя не только права и свободы, дающие возможность субъектам реализовывать свой гражданский потенциал, но и создание реальных социально-экономических и политических условий для адекватного и оптимального их использования.

© Пустошинская О. С., 2010